

ЗАМЕТКИ ЛЕТОПИСЦА.

Эпоха, 1864, ноябрь

Идеаль г. Некрасова.

Въ октябрьской книжке "Русскаго Слова", въ отделе "Библиографическій Листокъ", разбираются стихотворенія г. Некрасова и доказывается, что въ нихъ, рядомъ съ протестомъ, представлены и совершенно верные положительные идеалы.

"Правда",-- говоритъ критикъ,-- "идеаль г. Некрасова не имеетъ ничего общаго съ идеалами другихъ поэтовъ; онъ не фантастическій какой нибудь, а возможный, необходимый, несомненный. Идеаль этотъ построенъ на идеяхъ любви и благосостоянія и выраженъ въ самой осуществимой форме".

Выраженъ онъ именно въ той "чудной, розовой картине светлаго истиннаго счастья", которая видится Дарье, когда она замерзаетъ въ лесу (въ поэме *Морозъ-красный носъ*). Для большей убедительности критикъ выписываетъ вполне эту картину, выражающую идеаль г. Некрасова. Вотъ она:

"И снится ей жаркое лето -
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата - полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ соседнихъ полосъ у реки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела съ морковью въ руке.
Телега, скрипя, подъезжаетъ -
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
- Богъ помочь! А где-же Гришуха?
Отець мимоходомъ сказалъ.
"Въ горохахъ", сказала старуха.
- Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ. -
Чай не рано? Испить бы...
Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ белаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ темъ отозвался.
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бегущимъ зеленымъ кустомъ.
- Бежить!.. у!.. бежить, постреленокъ;
Горить подъ ногами трава!--
Гришуха черень какъ галченокъ,
Бела лишь одна голова;
Крича, подбегаетъ въ присядку
(На шее горохъ хомутомъ);
Поподчивалъ бабушку, матку,

Сестренку - вертится вьюномъ!
Отъ матери молодцу ласка,
Отець мальчугана щипнулъ;
Межь темъ не дремалъ и Савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,
Добрался,-- оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуеть
И въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...
Машутка отцу закричала:
- Возьми меня, тятка, съ собой!
Спрыгнула съ мешка - и упала.
Отець ее поднялъ: "не вой!
Убилась - не важное дело!
Девченокъ не надобно мне;
Еще вотъ такого пострела
Рожай мне, хозяйка, въ весне!
Смотри же!.." Жена застыдилась:
- Довольно съ тебя одного!
(А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... "Ну, Машукъ, ничего!"
И Проклушка, ставъ на телегу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбегу,
И съ грохотомъ возъ покатылъ.
Воробушковъ стая слетела
Съ сноповъ, надъ телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
Отъ солнца рукой заслонясь,
Какъ дети съ отцомъ приближались
Къ дымящейся риге своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица детей"...

Какая прелесть! эти стихи и выписываешь съ наслажденіемъ. Какая верность, яркость и простота въ каждой черте!

Не въ томъ, однако же, дело. Какъ понимаетъ читатель эту картину? Не думаетъ ли онъ, что передъ умирающей Дарьей носятъ виденія прошлаго, что она вспоминаетъ счастливыя минуты того времени, когда мужъ былъ живъ? По мненію критика, ни чуть не бывало; это не воспоминанія и не картина действительности.

"Эта картина",-- говоритъ онъ,-- "есть самый полный идеаль счастья, какой только могла *создать фантазія* крестьянки; -но, конечно, не иного прибавить къ нему самый развитый человекъ, самый великій геній *въ мечтахъ о совершенномъ благополучіи людей*. Основные элементы этого благополучія - здесь все: любовь, довольство и привлекательный трудъ среди чистой, прекрасной природы. Это та *вершина благополучія*, на которой человеку остается еще только искать наслажденія въ науке и искусстве; это то счастливое состояніе, где можно съ полнымъ нравомъ проповедывать науку для науки и искусство для искусства. Наконецъ, это *тотъ результатъ, къ которому стремится весь прогрессъ*, и въ которомъ наслажденіе свободною любовью, свободнымъ трудомъ и здоровою бедностію изгладило даже мучительное воспоминаніе о прошломъ рабстве и нищете".

Дело ясное. Идеаль, созданный фантазією, представляющій вершину благополучія и результатъ, къ которому стремится весь прогрессъ,-- никакъ не могъ и не можетъ существовать въ действительности. Чтобы кто нибудь не подумалъ, что стихи Некрасова изображаютъ картину действительной жизни,-- критикъ убедительно доказываетъ, что такія картины на деле невозможны; онъ доказываетъ это и отъ себя и - что всего лучше и сильнее - отъ г. Некрасова.

Отъ себя онъ замечаетъ что "эта картина представлена - бредомъ умирающей, а не действительностію".

"Но поймите же вы, наконецъ" - восклицаетъ онъ далее,-- "безнадежные филистеры, что въ действительности *ничего подобнаго нетъ*, что если бы въ минуту смерти крестьянке грезилось ея действительное прошлое, то она бы увидела *лобои мужа*, не радостный трудъ, не чистую бедность, а *смердную нищету*. Только въ розовомъ чаду опіума или смерти отъ замерзанія могли предстать передъ нею эти чудныя, но *никогда небывалыя* картины".

Но всего сильнее те доказательства, которыя критикъ заимствуетъ у самаго г. Некрасова. Весьма справедливо онъ замечаетъ, что "г. Некрасовъ часто останавливается на судьбе русской женщины вообще, особенно же на доле крестьянки"; но что онъ "*не показалъ намъ въ розовомъ свете ея настоящее*". Критикъ ссылается на различныя стихотворенія, где упоминается о женщинахъ и ихъ доле, на "Дешевую попку", на "Рыцаря на часъ", и т. д. "Поэтъ показываетъ намъ",-- говоритъ онъ,-- "и жену ("Жница"), и мать ("Орина, мать солдатская"), показываетъ во всей безъисходности ея горя, во всемъ ужасе ея судьбы". Перебравъ все эти случаи, въ которыхъ представляется судьба женщины у г. Некрасова, критикъ задается такимъ вопросомъ:

"Я бы спросилъ читателя, возможно ли это представленіе, клевета ли на русскую жизнь. Эти слова, правда ли, что доля женщины была такъ печальна, какъ изображаетъ г. Некрасовъ?"

И отвечаетъ самъ себе:

"Но спрашивать было бы излишне, потому что лучшимъ ответомъ на такіе вопросы слухить то, что *все, что есть лучшаго* въ Россіи, читаетъ Некрасова и ему".

И такъ, если вы верите Некрасову, то должны признать, что картина, изображенная имъ. въ приведенныхъ нами стихахъ, есть дело невозможное, небывалое, и представляетъ только одну фантазію, идеалъ счастья.

Въ этихъ сужденіяхъ я вижу достойное наказаніе г. Некрасова за слишкомъ большое усердіе, съ которымъ онъ забавлялся созданіемъ "Жницъ", "Оринъ", и т. п. Читатели такъ усердно поверили этимъ его произведеніямъ, что теперь уже не верятъ самымъ прямымъ его словамъ.

Вотъ онъ изобразилъ живущую въ полномъ ладу чету мужа и жены. Какъ можно!-- возражаетъ ему критикъ,-- вашъ Прокль непременно билъ свою жену.

Г. Некрасовъ представилъ картину радостнаго труда, чистой бедности. Какъ можно!-- возражаетъ критикъ,-- все это одна мечта; я знаю твердо, что они жили въ *смердной нищете*.

Г. Некрасовъ изобразилъ счастливыя минуты крестьянскаго семейства, полного взаимной любви. Какъ можно!-- восклицаетъ критикъ,-- я ведь знаю, что ни любви, ни счастливыхъ минутъ у нихъ вовсе нетъ.

Очень можетъ быть, что критику кажется одной фантазіей, однимъ идеаломъ даже то, какъ Савраска

..."въ мягкія, добрыя губы
Гришухино ухо беретъ".

Вотъ если бы Савраска откусилъ ухо у Гришухи, тогда это было бы ближе къ действительности и не противоречило бы некрасовской манере ея изображать.

Последнія известія: между "Современникомъ" и "Русскимъ Словомъ" заключенъ миръ.

Я был бы очень огорчен, если бы снисходительные читатели приняли какія нибудь мои заметки за полемику; покорно прошу ихъ устранить отъ себя такую мысль, если она пришла имъ на умъ. Главное въ моихъ! заметкахъ - факты, и въ этомъ смысле я готовъ стоять за каждую изъ нихъ безъ исключенія; ибо каждая содержитъ правильное указаніе на некоторое явленіе умственного мира, можетъ быть мелкое, но всегда действительно существующее. Полемикой-же называется не только указаніе чужихъ мненій, но и ихъ опроверженіе, въ которомъ я большею частію не чувствую никакой нужды. Я ничего не хочу опровергать; я понимаю свое дело какъ изображеніе фактовъ, которые-бы говорили сами за себя; Если читатели и могутъ упрекнуть меня за некоторыя отступленія отъ этихъ пріемовъ, то они должны, однако же, признать за мною не мало усилій, делаемыхъ мною для того, чтобы въ точности имъ следовать.

Признаюсь откровенно, эти оговорки и извиненія внушила мне радостная вѣсть о заключеніи мира между "Современникомъ" и "Русскимъ Словомъ". Когда я услышалъ эту вѣсть и подумалъ, что по всемъ правамъ это событіе должно найти место въ моихъ заметкахъ, то на меня вдругъ навела сомненіе и смущеніе мысль: не будетъ-ли помещеніе этаго факта въ заметки принято темъ или другимъ изъ почтенныхъ помирившихся органовъ за враждебное дѣйствіе? По зреломъ размысленіи, я, однако же успокоился и решился следовать моей прямой обязанности. Если я стану пропускать столь достославныя дела и событія, то что же у меня будутъ за заметки, и какой же я буду летописецъ? Если фактъ столь великой важности будетъ мною упущенъ изъ виду, то не скажутъ-ли, что я не уважаю русской литературы и не считаю достойнымъ замечанія даже самыя крупныя въ ней явленія?

Шутка ли? "Русское Слово" помирилось съ "Современникомъ"! "Русское Слово", которое съ начала года употребляло все усилія, чтобы доказать неосновательность и шаткость "Современника"! Какъ же случилось это неожиданное и многозначительное событіе? Расскажу по порядку.

Последнюю статью "Русскаго Слова" противъ "Современника" была статья "Нерешенный Вопросъ", статья *"къ счастію неподписанная"*, какъ выражается о ней "Современникъ". Статья эта имела целью разобрать, какъ "года два тому назадъ наши литературные реалисты сильно опростоволосились". Опростоволосился именно г. Антоновичъ своимъ разборомъ романа Тургенева: *Отцы и Дети*. Неподписанная статья отнеслась къ критикѣ г. Антоновича весьма жестоко. Въ одномъ месте, увлеченный жаромъ своего неудовольствія, авторъ говоритъ объ этой критикѣ:

"А наша критика?! А наша глубокая и пронизательная критика?! Она съумела только за этотъ разговоръ укорить Базарова въ жестокости характера и въ непочтительности къ родителямъ. - Ахъ ты, коробочка доброжелательная! Ахъ ты, обличительница копеечная! Ахъ ты, лукошко глубокомыслія!"

Въ другомъ месте неподписанная статья выражаетъ такой судъ:

"Долго придется г. Антоновичу раскаяваться въ его статьѣ объ Асмодее нашего времени". Много вреда наделала эта статья. Сильно перепутала она понятія нашего общества о молодомъ поколеніи. *Такъ напакоститъ мозъ только одинъ "Современникъ"*.

Вследствіе этой статьи, въ "Современникѣ" явилась статья *"Вопросъ, обращенный къ Русскому Слову"*, подписанная: *Посторонній Сатирикъ*. "Посторонній Сатирикъ" пишетъ, что статья "Русскаго Слова" его "удивила", что онъ недоумеваетъ, какъ могла эта статья появиться въ "Русскомъ Словѣ", что ужъ не хитритъ ли редакція, не хочетъ ли она только возбудить въ другихъ журналахъ "новую радость" и вызвать въ нихъ "новыя статьи о расколе въ нигилистахъ", а потомъ посмеяться надъ этою радостію?

"Поэтому-то",-- пишетъ "Посторонній Сатирикъ",-- "я и нахожусь вынужденнымъ обратиться къ редакціи "Русскаго Слова" съ вопросомъ: *согласна ли она съ статьею "Нерешенный вопросъ", разделяетъ ли она вполне все сужденія автора статьи, какъ о романѣ "Отцы и Дети", такъ и о критикѣ на этотъ романъ, помещенной въ "Современникѣ"?*

Затем "Посторонний Сатирик" обращается даже прямо к определенным лицам, именно к г. Минаеву и к г. Благовестову, и просит их печатно отвечать: *как они относятся к статье: "Нерешенный вопрос"?*

Речь свою "Посторонний Сатирик" заканчивает следующим многозначительным сообщением:

"И безъ того",-- говорит онъ,-- "много у меня на рукахъ полемическаго дела: нужно довести до конца споръ съ "Эпохой" {Споръ? Какой споръ? О *чемъ*? О докторе что-ли? Признаюсь, я не заметилъ, чтобы между "Современникомъ" и "Эпохой" вышло что нибудь похожее на споръ. По моему сужденію, было что то другое, на споръ весьма мало походящее.}, нужно въ тоже время следить за деятельностью двухъ печатныхъ органовъ г. Краевскаго и, наконецъ, не упускать изъ виду и московской литературы; *полемика съ этими противниками кажется мне самой необходимой*, и "Русское Слово" можно-бы было оставить въ стороне. Но "Русскому Слову" *кажется, что ему необходимо прежде всего* напасть на "Современникъ" и съ нимъ *по преимуществу* вести полемику. Нечего делать"...

Здесь, очевидно, заключается новый вопросъ "Русскому Слову", вопросъ о томъ, съ кемъ, по его мненію, прежде всего и необходимее всего вести полемику? И считаетъ ли оно, что полемика противъ "Современника" необходима?

"Русское Слово*" отвечало немедленно. Во-первыхъ, оно делаетъ несколько замечаній, имеющихъ целью, кажется, показать неосновательность *удивленія*, выраженнаго "Постороннимъ Сатирикомъ" при появленіи статьи "Нерешенный вопросъ".

"Еще въ начале 1862 года" - говоритъ редакція,-- "при появленіи романа г. Тургенева Отцы и Дети", когда наша журналистика съ азартомъ принялась глумиться надъ Базаровыхъ, съ целью опозлить этотъ типъ въ глазахъ читающей публики, еще тогда критикъ "Современника" и критикъ Русскаго Слова" резко разошлись во взглядахъ на этотъ романъ".

Если "Современникъ" это забылъ, то ему напоминаются более близкія времена.

"Какъ "Современникъ", такъ и "Русское Слово" после 1862 и до ныншняго года не возвращались къ этому предмету. Но въ прошломъ апреле "Современникъ", разбирая романъ г. Писемскаго "Взбаламученное море", снова коснулся Базарова, причемъ, проводя параллель между Тургеневымъ и Писемскимъ, между Базаровымъ и Басардинымъ, подтвердилъ свой прежній взглядъ на тургеневскій романъ. Естественно, что при этомъ "Современникъ" высказался противъ критика "Русскаго Слова", хотя и не назвалъ его по имени... Въ статье говорилось о "критикахъ-детяхъ" и о "простоватыхъ слушателяхъ, принимающихъ за комплименты деликатныя колкости г. Тургенева".

И такъ, разногласіе между критиками-отцами и критиками-детьми есть дело давнишнее, и "Русское Слово" не находитъ причины, почему-бы статья "Нерешенный вопросъ", представляющая "только дальнейшее и логическое развитіе его прежняго мненія о Базарове", должна была изменить ходъ делъ.

Затемъ "Русское Слово" объявляетъ, что оно не боится полемики.

"Намъ нечего бояться этой полемики и угрозъ "Современника".

Отъ своихъ мненій не отказывается.

"Зачемъ нашему журналу отказываться отъ солидарности съ этой статьей, если она оцениваетъ деятельность и современное значеніе техъ людей (т. е. Базаровыхъ), на стороне которыхъ находятся все симпатіи "Русскаго Слова"?"

Но темъ не менее полемику согласно прекратить.

"Мы вовсе не думаемъ и не желаемъ полемизировать съ Современникомъ".

"Сознаемъ всю бесполезность полемики, особенно въ такое время, когда она, кроме удовольствія нашему журнальному стаду, не можетъ оказать существенныхъ услугъ литературе".

"Русское Слово" можетъ расходиться съ "Современникомъ" на частныхъ и отдельныхъ вопросахъ, но оно всегда на столько уважало общую идею, что не решится пожертвовать этой идеей въ пользу какого-бы то ни было личного самолюбія".

Эта последняя фраза, имеющая чрезвычайно благородный видъ, къ сожаленію, не совсемъ ясна. "Русское Слово" какъ будто хочетъ сказать, что оно никому не жертвуетъ своей идеей; но въ такомъ случае зачемъ же стоитъ *но*? Следовало-бы *и*. Поэтому, вероятнее такой смыслъ: "Русское Слово" не во всемъ согласно съ "Современникомъ", *но* оно жертвуетъ своимъ разногласіемъ въ пользу общей идеи.

И такъ, ура! Миръ заключенъ. Критики-отцы и критики-дети не будутъ более тратить силъ въ бесполезной взаимной вражде. Теперь они на свободе *могутъ оказать общественныя услуги литературе*. Теперь они примутся за полемику *самую необходимую*; теперь множество *дела*, которое у нихъ *на рукахъ*, будетъ сделано и *доведено до конца*. Горе вамъ, -- печатные органы г. Краевскаго? Горе тебе, -- московская литература! Но пуще и больше всего - горе тебе, "Эпоха"!

Германія поглупела.

Это неутешительное известіе я слышалъ отъ одного весьма неглупаго и философски-образованнаго человека. Онъ основывалъ свое сужденіе какъ на собственныхъ наблюденіяхъ надъ немецкимъ отечествомъ, въ которомъ почти постоянно живетъ въ последнее время, такъ и на отзыве одного немца, небывшаго въ Германіи летъ пятнадцать и недавно навестившаго ее.

Уровень умственной жизни понизился. Напримеръ, немцы уже не понимаютъ философовъ, которыхъ некогда произвели. На это, если помнятъ читатели, я приводилъ некоторыя доказательства въ своихъ "Заметкахъ", именно указывалъ на толки о Канте въ журнале Ноака: "Psyche". Оказывается, что немцы уже не понимаютъ Канта, котораго еще не смеютъ не уважать. Великолепное изложеніе кантовскаго ученія, сделанное Куно Фишеромъ, нисколько не помогло делу, и было встречено равнодушно.

Тоже самое должно сказать и о другихъ умственныхъ и творческихъ сферахъ. Въ Германіи уже нетъ публики съ высокими требованіями, для которой бы мыслитель, поэтъ, или вообще художникъ долженъ былъ стремиться стать какъ можно выше въ деле мысли и творчества. Масса образованныхъ людей имеетъ весьма низкія требованія; поэтому въ ней имеютъ успехъ вещи именно малаго достоинства. Такъ, напримеръ, очень пришлась по вкусу книга Вундта о психологіи.

Германія какъ будто отвлечена отъ умственной жизни своими политическими интересами. Действительно, политическіе интересы у всехъ на уме и на языке; но изъ этого, какъ мы знаемъ и видимъ, пока еще ничего не выходитъ. Все ограничивается безконечными разговорами и безконечнымъ истребленіемъ пива.

Такимъ образомъ, можно подумать, что Германія уже совершила свою *умную миссію*, которую ей предстояло исполнить въ развитіи европейскаго духа, что она пережила то время, когда ей суждено было производить міровыхъ поэтовъ, мыслителей, критиковъ. Что будетъ, неизвестно, но если действительно одна миссія окончена, то можетъ быть за нею последуетъ другая; можетъ быть Германія изберетъ теперь новую дорогу и раскроетъ свои силы на другомъ поприще.

Все это для нас, русских, весьма любопытно. Дело в том, что, как давно уже известно, наша умственная жизнь находится в постоянном подчинении умственной жизни Германии. По остроумному замечанию одного тоже весьма не глупого и тоже философски образованного человека, даже Базаров, под видом занятия естественными науками, занимался собственно тем же делом, как Рудин, Бельтов и другие прежние герои, т. е. немецкою философией. И так, если бы вопрос о понижении умственного строя Германии был разъяснен окончательно, если бы понижение было доказано подробными указаниями на факты, то мы бы очень много от этого выиграли. Именно: в таком случае мы уже освободились бы от этого, до сих пор непреодолимого для нас авторитета; мы уже стали бы в отношении в Германии в положение судей и могли бы свободно пользоваться хорошим и отвергать дурное, хотя бы это дурное и было самоновейшее. Если Германия уже совершила свою умную миссию, то вам следует поучаться у тех ее мыслителей и писателей, на которых выпала доля совершения этой миссии, а не воображать, что чем новее немецкий писатель, тем дальше он ушел вперед и тем достойнее изучения.

И вообще, весьма желательно было бы, чтобы у нас развилось *критическое отношение к западной жизни* и в умственной, и во всякой другой ее сфере; ибо только такое отношение свидетельствовало бы о самостоятельности нашей мысли, т. е. просто - о существовании у нас действительной мысли.

Что касается до того, что Германия совершила свою умную миссию, то можно в подтверждение сослаться на слова Тэна, в его статье о Карлейле.

"Карлейль",-- говорит Тэн,-- "есть самый авторитетный и самый оригинальный из истолкователей, которые ввели германский дух в Англию. Дело это не малое, потому что над подобным делом нынче работают все мыслящие люди".

"Съ 1780 по 1830 годъ Германия произвела все идеи нашего историческаго періода, и въ продолженіи полувека, или можетъ быть и целаго века, наше главное дело будетъ состоять въ томъ, чтобы передумать эти идеи. Мысли, которыя родились или появились въ зачатке въ какой нибудь странѣ, непременно распространяются въ соседнихъ странахъ и прививаются тамъ на известное время; то, что случается теперь съ нами, уже двадцать разъ случалось въ міре; ходъ растительности духа всегда былъ одинъ и тотъ же, и мы можемъ съ некоторою достоверностію предвидеть для будущаго то, что мы наблюдаемъ въ прошедшемъ. Въ известныя эпохи является некоторая *форма* оригинальнаго духа, которая порождаетъ свою философію, литературу, искусство, науку, и которая, обновивши мысль человека, медленно и неизбежно обновляетъ все мысли. Все умы ищущіе и находящіе попадаютъ въ этотъ потокъ; они двигаются впередъ только посредствомъ его; если они противятся ему, они останавливаются; если они уклоняются отъ него, они замедляются; если они способствуютъ ему, то бывають подвинуты впередъ дальше чѣмъ другіе. И движеніе продолжается, пока еще не все изобретено. Когда искусство дало все свои произведенія, философія - все свои теоріи, наука - все свои открытія,-- движеніе останавливается; другая форма духа получаетъ господство, или же человекъ перестаетъ мыслить. Такъ, во время возрожденія явился артистическій и поэтическій геній, который, родившись въ Италіи и перенесенный въ Испанію, угасъ тамъ, спустя полтора века, среди всеобщаго паденія, и который, будучи пересаженъ съ другимъ характеромъ во Францію и въ Англию, окончился тамъ по истеченіи ста лѣтъ утонченностями маньеристовъ и безумствами сектаторовъ, успевши, однако, создать реформу, утвердить свободу мысли и основать науку. Такъ, вместе съ Драйденомъ и Малербомъ родился ораторскій и классическій духъ, который, произведши литературу XVII века и философію XVIII, истощился у преемниковъ Вольтера и Попе и вымеръ по истеченіи двухсотъ лѣтъ, успевши дать лоскъ своей образованности Европѣ и возбудить французскую революцію. Такъ, въ концѣ послѣдняго века возвысился философскій геній Германии, который, породивши новую метафизику, новую теологію, новую поэзію, новую литературу, новую лингвистику, новую экзегезу, новую эрудицію, въ настоящую минуту спускается въ науки и продолжаетъ свое раскрытіе" Духа более оригинальнаго, более всеобщаго, более плодovitаго результатами всякаго рода и всякаго значенія, более способнаго все преобразовать и все переделать - не являлось уже триста лѣтъ. Онъ того же разряда^А какъ духъ возрожденія и духъ классическаго періода. Онъ, какъ они, соприкасается со всеми великими движеніями современной интеллигенціи. Онъ, какъ они, обнаруживается во всехъ цивилизованныхъ странахъ. Онъ, какъ

они, распространяется, сохраняя тоже основание и принимая многообразные формы. Онъ, какъ они, есть одинъ изъ моментовъ истории міра. Онъ является въ той же цивилизаціи и въ техъ же расахъ. И такъ, мы безъ большой дерзости можемъ предполагать, что онъ будетъ иметь такую же продолжительность я такую же судьбу".

Несколько далее Тэнъ говоритъ:

"Все идеи, выработанныя въ Германіи, сводятся къ одной, къ идее *развитія* (Entwicklung), состоящей въ томъ, чтобы представлять себе все части какой нибудь группы солидарными и дополнительными; такъ что каждая изъ нихъ необходимо требуетъ всехъ другихъ, и что, взятыя вместе, оне обнаруживаютъ въ своей последовательности и въ своихъ контрастахъ внутреннее качество, ихъ соединяющее и ихъ производящее. Двадцать системъ, сто фантазій, сто тысячъ метафоръ на разные лады изображали или обезобразивали эту фундаментальную идею. Если снять съ нея ея оболочки, то она утверждаетъ не более какъ взаимную зависимость, соединяющую члены известнаго ряда и связующую ихъ всехъ съ некоторымъ отвлеченнымъ свойствомъ, заключающимся внутри ихъ. Если приложить ее къ природе, то мы станемъ смотреть на міръ, какъ на лестницу формъ и последовательный рядъ состояній, имеющихъ въ себе самихъ причину своего последованія и своего бытія, содержащихъ въ своей природе необходимость своего исчезанія и своего ограниченія, составляющихъ своею совокупностію нераздельное целое, которое, довольствуясь само собою, исчерпывая все возможности и связуя все вещи, начиная отъ пространства и времени и до жизни и мысли, представляетъ полнейшую гармонию и великолепіе. Если приложить ее къ человеку, то мы станемъ смотреть на чувства и мысли, какъ на естественные и необходимые продукты, связанные между собою подобно превращеніямъ животнаго или растенія, откуда вытекаетъ взглядъ на религіи, философіи, литературу, на все человеческія созданія и человеческія движенія, какъ на неизбежныя следствія известнаго состоянія духа, который, исчезая, уноситъ и ихъ съ собою, который, возвращаясь, приводитъ и ихъ съ собою, и который, если мы можемъ его воспроизвести, даетъ намъ вместе возможность и ихъ воспроизвести. Вотъ два ученія, которыми проникнуты писанія двухъ главныхъ мыслителей века, Гегеля и Гёте. Они повсюду пользовались ими какъ методою; Гегель для того, чтобы схватить формулу всякой вещи, Гёте для того, чтобы добыть себе созерцаніе всякой вещи; они такъ глубоко прониклись ими, что извлекли изъ нихъ свои внутреннія и привычныя чувства, свою нравственность и свой образъ действий" Можно смотреть на нихъ какъ на два главныя философскія сокровища, завещанныя роду человеческому нынешнею Германіею".

Тэнъ, очевидно, смотритъ догматически; то, что онъ называетъ *методою*, есть уже результатъ настоящей философской методы, -- діалектики, основанной Шеллингомъ и развитой Гегелемъ, Въ ней вся сила немецкой философіи, и безъ нея понятіе *развитія* было бы догматическимъ предположеніемъ, какимъ оно и было, напримеръ, у Лейбница.

Говоря далее о необходимой переработке, которой должны подвергнуться германскія идеи, Тэнъ заключаетъ:

"Но каждый духъ переплавить ихъ смотря по устройству своего горна; ибо всякая нація имеетъ свой оригинальный геній, въ который она отлиываетъ идеи, взятыя извне. Такъ, Испанія въ XVI и XVII веке возобновила въ иномъ духе итальянскую живопись и итальянскую поэзію. Такъ, пуритане и янсенисты перемыслили въ новыхъ формахъ первоначальный протестантизмъ. Такъ, французы XVIII века расширили и распространили либеральныя идеи, приложенныя или предложенныя англичанами въ религіи и въ политике. Тоже самое и теперь. Французы не могутъ, подобно немцамъ, сразу подняться до высокыхъ взглядовъ за целое. Они умеютъ идти только шагъ за шагомъ, исходя отъ наглядныхъ идей, следуя прогрессивнымъ методамъ и постепенному анализу Кондильяка и Декарта. Но этотъ более медленный путь ведетъ почти также далеко, какъ и другой, и сверхъ того, онъ избегаетъ множества неверныхъ шаговъ. Посредствомъ его мы достигнемъ того, что исправимъ и поймемъ взгляды Гегеля и Гёте, и если мы взглянемъ вокругъ себя на пробивающіяся идеи, то окажется, что дело уже началось" Позитивизмъ, опирающійся на весь новейшій опытъ и очищенный, после смерти своего основателя, отъ своихъ общественныхъ и религіозныхъ увлеченій, началъ новую жизнь, ограничиваясь темъ, что указываетъ связь естественныхъ группъ и соотношеніе

существующих наукъ. Съ другой стороны, исторія, романъ и критика, изоцренные утонченностями парижской культуры, указали осязательно законы человеческихъ событій; природа явилась какъ рядъ фактовъ, человекъ какъ продолженіе природы; и мы видели, какъ высокій умъ, самый тонкій, самый возвышенный, какой только есть въ наше время, переработывая и умеряя немецкія гаданія, изложилъ французскимъ словомъ все, что наука мифовъ, религій и языковъ скопила по ту сторону Рейна въ теченіе шестидесяти леть".

Можетъ быть, мы не станемъ, подобно Тэну, приписывать большое значеніе *утонченностямъ парижской культуры*; но нельзя не согласиться, что въ общемъ картина его верна. Духъ Германіи веетъ надъ французскою мыслью.